

АНТОН ФАРБ

БЕГ КРЫСЫ ЧЕРЕЗ ЛАБИРИНТ

Паноптикум инженера Моро своим внутренним убранством напоминал нечто среднее между моргом и лабораторией безумного доктора Франкенштейна. Грязно-голубой кафель стен, лужицы розовой воды на полу, лиловый свет хирургических юпитеров, укрепленных на кронштейнах под потолком, гулкая тишина и запах карболки... Официанты в зеленых балахонах и белых марлевых намордниках катили перед собой передвижные столики из нержавеющей стали, тихо попискивающие резиновыми колесиками. На столиках были расставлены бокалы с коктейлями и эмалированные тазики, в которых отмокали скальпели, ланцеты, элеваторы, трепаны, ретракторы, шпатели, канюли, костные пилки и прочие антикварные инструменты: некоторые были совсем новые, сверкающие никелем, но большинство острых железок покрывали шершавые пятна засохшей крови.

Вдоль стен стояли корытообразные прозекторские столы из дырчатого листового металла. На столах - блюда с тартинками, вазы с пуншем, склянки с формальдегидом, в которые плавали глазные яблоки, кисти рук и слабо пульсирующие сердца. Над столами, приклеенные к кафелю скотчем, висели анатомические плакаты с освежеванными торсами и жестикулирующими скелетами, цирковые афиши Финеаса Т. Барнума и постеры Бориса Карлоффа, потрепанные репродукции Гойи, Веласкеса и Босха. В застекленных шкафчиках радостно скалились лакированные черепа и плавали в колбах заспиртованные эмбрионы.

Само пространство паноптикума было превращено в лабиринт при помощи складных полиэтиленовых ширм, натянутых на трубчатые каркасы. Окружая центральный операционный театр, ширмы образовывали множество крошечных закутков, заполненных смотровыми креслами, аппаратами искусственного дыхания, баллонами с кислородом, рентгеноскопами, осциллографами, штативами для капельниц и столиками для лекарств, доверху забитыми контрацептивами всех разновидностей.

В одном из таких уголков, взгромоздясь на гинекологическое кресло и возбужденно дыша, баронесса Элеонора фон Штольц распахнула перед Касианом свою блузку, высвободив тяжелые, идеальной каплевидной формы груди.

- Тебе письмо от баронессы фон Штольц, - сказала Инга, выудив из вороха счетов плотный конверт из мелованной бумаги.

Касиан медленно развернулся в кресле.

- Это случайно не та стерва, у которой суицид-салон на авеню Агони? - спросила Инга и всем своим видом (тонкая фигурка в строгом жакете, черные блестящие волосы стянуты в тугий узел на затылке, аэродинамически плотно облекая череп, длинные нервные пальцы с черным маникюром и изломанная в вечной насмешке бровь) выразила отвращение к подобным учреждениям.

Касиан молча вспорол конверт церемониальным скальпелем. Внутри оказался прямоугольник из жесткого картона с золотым обрезом и тиснеными виньетками в форме двойных спиралей.

- Она же вдова железнодорожного барона в третьем поколении. Зачем ей содержать этот кровавый бордель? - задумчиво сказала Инга. - И что ей надо от тебя?

Касиан толкнул картонный прямоугольник по столу в сторону Инги.

- Приглашение на бал в честь открытия паноптикума инженера Моро? Какая мерзость! - сморщилась Инга. - Я надеюсь, ты не собираешься...

Касиан, смерив взглядом свою секретаршу, медсестру и ассистентку в одном лице (а также - свою лучшую работу за все время практики), крутанулся в кресле, перехватил скальпель за лезвие и отвел руку для броска в висящую на стене мишень для дартса.

- Фрак или смокинг? - вздохнула Инга.

Касиан был единственным, кто пришел на открытие паноптикума во фраке. Прочие гости инженера Моро были слишком богаты и влиятельны, чтобы придавать значение своей одежде.

Как это обычно и бывало на великосветских балах-хэппенингах, публика здесь собралась самая разношерстная. Среди гостей присутствовали: коннетабль Иностранного Легиона со свитой министералов, пфальц-менеджер Опеля, кучка патлатых рок-гистрионов в потертых кожанках, гонфалоньер Ордена Сайентологов, недавно беатизированная кинозвезда неопределенного в данный момент пола, даймё Мицубиси, эмир Касбаха в компании какого-то турка и пары дюжих гулямов, прелат популярного телеканала и фотокуртизанка дома Ревлон... Подавленные мрачным экстравагантным интерьером, гости блуждали по лабиринту из ширм, переговаривались шепотом и шарахались от бутафорских причиндалов.

До того, как угодить в лапы баронессы, Касиан дважды безуспешно попытался завязать беседу с гостями. Аббат Сорбонского университета счел его официантом и вложил ему в протянутую руку пустой бокал из-под шампанского. А синдик цеха программистов, нервно теребя запонки в виде старинных микросхем, промямлил что-то

неразборчивое и тут же отвернулся. Видимо, он принял Касиана за одного из труверов, которые хищно рыскали по закоулкам паноптикума, очищая прозекторские столы от закусок и выдумывая сплетни для своих бульварных газетенок.

Единственным, кто сам искал компании Касиана, был уже порядком поддатый трувер из «Вога». Да и тот быстро осознал никчемность мишени и растворился в толпе. А потом Касиана заметила баронесса Элеонора фон Штольц...

Касиан был хирургом. Точнее говоря, он принадлежал к той странной касте пластических хирургов, что всегда обитала в сумеречной зоне между доменами официальной медицины, студиями имиджмейкеров и подпольными клиниками криминальных кланов. Касиан, вдобавок, не желал платить десятину ни тем, ни другим, ни третьим.

Несмотря на цеховой знак - древний цельнометаллический скальпель, который он носил в нагрудном кармане, Касиан никогда не являлся полноправным членом цеха врачей. Свою карьеру он начинал в нелегальной клинике, расположенной в заброшенной станции метро. Там, в грязи и антисанитарии, что и не снились дизайнерам интерьера паноптикума, он латал уличных ландскнехтов и вживлял импланты вольным информщикам низшей ступени посвящения. Это занятие приносило невысокий, но стабильный доход; однако Касиану этого было мало.

Благодаря нескольким случайным клиентам, по тем или иным причинам вынужденным избегать цеховых клиник, ему удалось вырваться из клоаки подпольной медицины и открыть вполне легальную частную практику. Тогда это казалось ему многообещающим началом; на деле это обернулось полным крахом. Содержать частную практику в корпоративном мире, где все и каждый стремились занять свое место в четкой иерархии цеховых табелей о рангах и носить на лацкане пиджака герб компании, было равнозначно балансированию на тонком лезвии скальпеля. Растеряв клиентуру из разряда люмпен-криминалитета, Касиан все еще оставался никому неизвестным выскочкой без имени и репутации, и потенциальные клиенты из высшего света его игнорировали.

Баронесса фон Штольц была исключением. Она содержала частный суицид-салон - разумеется, ради высокого искусства, а не неизменной тяги к обогащению - и считала, что все свободные художники должны поддерживать друг друга. Именно из-за ее изменчивых требований к собственной внешности Касиану удалось поставить практику на ноги; но стареющие тела баронессы имели свой предел морфичности - пальпируя соски Элеоноры фон Штольц и прикидывая, выдержат ли молочные железы еще одну инъекцию

карминного пигмента (этот цвет снова входил в моду), Касиан держался подчеркнуто холодно и искал повод поскорее отделаться от баронессы.

Удобную возможность предоставил ему сам инженер Моро, дав сигнал к началу дефиле.

В паноптикуме не было подиума, и инженер Моро решил выпустить своих кадавров прямо в зал операционного театра. Открывали парад-алле парочка карликов ростом не более полуметра - один, длинноносый, в кайзерском шлеме и мундирчике с эполетами, а другой с велосипедными усами и в наполеоновской треуголке - браво промаршировали сквозь толпу гостей и скрылись в лабиринте ширм.

Появление прочих уродов было обставлено более драматично. Один из официантов сдернул с лица марлеву маску и оказался миловидной девушкой с окладистой шкиперской бородкой. Бутафорский мешок для трупов, валявшийся на одном из столов для вскрытия, вдруг закопошился, вспучился, вжикнул молнией - и наружу выдралось безволосое, покрытое отвратительной слизью остроухое существо с длинными пальцами и острыми клыками. Колени носферату выгибались в обратную сторону, а от локтей до ребер тянулись кожистые складки; злобно шипя, он проковылял к ближайшей ширме, проткнул ее ороговевшими ногтями и разорвал, впуская в зал завязанного узлом человека-эластика, чьи руки были скручены за спиной на манер рукавов смирительной рубашки. Следом за ним в зале появился горбун-анацефал с вдавленным внутрь черепом, баюкающий на руках сиамских близнецов - сросшиеся от плеча до бедра золотоволосые девочки в розовом платьице были похожи на бракованную куклу Барби. Жеманный гермафродит, завернувшийся в простыню на манер тоги, катил перед собой тачку с безруким и безногим обрубок. У того не было ушей, зато ноздрей было целых три; он обкладывал гостей изощреннейшими ругательствами, которые из-под заячьей губы звучали как звериное рычание. Трехметровый гигант с ногами тонкими, как спички, переступил через разорванную ширму и раскланялся перед публикой, переломившись, как складной метр... Последним номером программы был самый толстый человек на свете, чья безобразно огромная туша плавала в чане с физраствором, катимом тремя ассистентами Моро.

Сам хозяин паноптикума, доктор тератологии, почетный вивисектор и генетический инженер Моро - массивный, широкоплечий, с мощным загривком, поросшим жесткой рыжей щетиной - сам чем-то смахивал на Минотавра, своего первого и

самого знаменитого урода, человекобыка, принесшего инженеру славу и состояние. Когда Моро вышел на поклон, публика встретила его овацией.

- Если ты хочешь, чтобы твоей работе аплодировали, снимки твоих пациентов помещали на обложку «Вога», а богатые и знаменитые клиенты выстраивались бы в очередь, чтобы попасть к тебе на стол - ты должен сам быть богатым и знаменитым хирургом, - сказал маэсе Ривера, раскуривая черную марокканскую сигарилью. - А для этого надо иметь богатых и знаменитых клиентов. Это замкнутый круг, компадре. Сюда очень трудно попасть.

Маэсе Ривера знал, о чем говорил. Он начинал простым курьером на врез-сцене в разрушенной Газаватом Бискайе. Уже тогда вольные информщики были изгоями в обществе; обряд инициации над Риверой совершил спившийся медтех в кустарной мастерской на чердаке разбомбленного дома. При вводе нейрошунта медтех повредил Хуану Ривере оба зрительных нерва, оставив того слепым калекой на всю жизнь. Но когда перед тобой открываются безбрежные просторы Сети, зрение уже не играет роли. Запретные знания и навыки приобретались Риверой в секте Иллюминатов Митника. Он был единственным, кто ускользнул от инквизиции, когда секту арестовали и всех ее членов подвергли лоботомии. Позже он вступил в Мадридскую информационную ложу, где очень быстро, взломав базы данных Сарацин-Петролеума, приобрел статус хакер-легата и мастера стеганографии. К Касиану маэсе Ривера пришел в свой двадцать третий день рождения - возраст для информщика предпенсионный, у Риверы сказывалась усталость синапсов, да и реакция была уже не та, а инквизиторы дышали в затылок - и маэсе решил покончить с прошлым, превратившись в добропорядочного гражданина. У Касиана ушло два месяца на извлечение всех имплантов и шунтов из головы маэсе Риверы и выращивание новых зрительных нервов; еще месяц Ривера заново учился видеть. Гонорар за операцию дал Касиану возможность оснастить клинику вполне современным оборудованием и нанять Ингу. В качестве бонуса за конфиденциальность маэсе Ривера решил поделиться с Касианом своим взглядом на природу классовых барьеров.

- Тебе нужен стартовый капитал, компадре. Я не о деньгах говорю - всех твоих сбережений не хватит на одну минуту адорации на каком-нибудь зачуханном автокефальном канале. Нет, тебе нужна слава. Популярность. Репутация. А самый простой способ их получить - паразитировать на ком-то известном. Проще говоря, компадре, тебе нужен знаменитый клиент. Такой, чтобы его славы хватило на вас обоих. Проблема в том, что такого клиента не встретишь на улице...

Инженер Моро вел ее под руку - невзрачную, тусклую девушку в сереньком платье, щупленькую, чуть прихрамывающую при ходьбе. В ней не было ничего уродливого; никаких гротескных, гипертрофированных черт или аномалий; но, тем не менее, она была самым некрасивым существом во всем паноптикуме.

Ее некрасивость слагалась из множества мелких, почти незаметных изъянов; так из песчинок вырастает гора. Подбородок чуть-чуть меньше, чем нужно; легкая асимметрия переносицы; слегка косящие глаза, настороженно глядящие из-под челки жестких, криво подстриженных волос мышиного цвета... Сутулая осанка, перекошенные плечи, слишком маленькие - будто не от этого тела - груди, непропорционально узкие бедра, худые колени с чрезмерно глубокими ямочками, маленькие кукольные ступни, неуклюжая походка испуганного жеребенка... Увидев ее, гости не ахали, не ухмылялись и не кривились от отвращения. Увидев ее, они вздрагивали и отводили взгляд - чтобы спустя мгновение снова посмотреть на нее, украдкой, стыдливо, исподтишка. И снова. И еще разок... Уродство девушки очаровывало.

- Через месяц, - возбужденно дохнула Касиану в ухо баронесса фон Штольц, вцепившись в его руку, - самое большее - через два. Она вскрыет себе вены, и будь я проклята, если она сделает это не в моем салоне! Для этого случая я выбью прямую трансляцию у кардинала кабельного телевидения... Пойдем, - она потащила Касиана за собой. - Нам надо познакомиться.

Нависая своей огромной мускулистой тушей над девушкой, инженер Моро давал интервью нахальному квестарю из епархии светской хроники, которого сопровождали двое служек - один тащил камеру, а другой - софиты.

- Сегодня красота стала слишком ходовым товаром, чтобы оставаться искусством, - рокочущим басом объявлял Моро. - Оглянитесь вокруг: с тех пор, как мои коллеги по цеху научились корректировать внешность еще на стадии оплодотворенной яйцеклетки, наш мир оказался перенасыщен симметрией... Разумеется, каждая мать хочет видеть своего ребенка красивым; но самое понятие «красота» всегда ограничено, тогда как уродство границ и пределов не знает. Только создавая уродство, можно достигнуть истинной свободы творчества - и подарить миру настоящий шедевр. - Инженер обнял девушку за плечи и слегка подтолкнул вперед. - Знакомьтесь: это Тави.

Квестарь замялся, и баронесса фон Штольц оттеснила его в сторону.

- Каково быть уродкой? - выпалила она.

- Вам виднее, - тихо и явно заученно ответила Тави. - Кто из нас больший урод, я, искалеченная еще до своего рождения, или вы, пришедшие полюбоваться на меня?

- Бедная девочка, - сказала баронесса наигранно-жалостливым тоном. - Как тебе должно быть тяжело...

- Ну уж нет! - гулко захохотал инженер Моро и подхватил баронессу под локоть, заставив ее отлепиться от Касиана. - Не выйдет, ваша милость. Тави слишком мне дорога, чтобы я продал ее в ваш салон. Так что даже и не мечтайте... - Продолжая говорить, он увлек баронессу за собой, уводя ее от драгоценного экспоната; квестарь со служками рванули следом.

Касиан остался с Тави наедине.

Он огляделся по сторонам: гости паноптикума старательно не замечали ни его, ни девушки, рассеяно бродя по лабиринту паноптикума и обсуждая увиденных уродов. Он сделал шаг вперед. Тави отпрянула. Касиан поднял руку в успокаивающем жесте.

- Меня зовут Касиан, - сказал он.

Тави неуверенно передернула плечами.

- Я Тави, - сказала она.

- Я знаю, - сказал Касиан.

Он чуть наклонил голову и заглянул Тави в глаза.

- Скажи, - вкрадчиво спросил он, - тебе никогда не хотелось стать красивой?